Волчий закон / повесть

Category: Kitapcy,Powestler
написано kitapcy | 22 января, 2025
Волчий закон / повесть

ВОЛЧИЙ ЗАКОН

Не только у зимнего дня «сорок лиц». Весной их у него еще больше. Вроде бы ярко светит солнце, но набежит черная туча, хлынет дождь и через полчаса все вокруг будет залито водой, как во время потопа. Вот и в тот день за ночь небо затянуло тучами. Они летели, клубясь и все плотней закрывая небосклон, так что из-за них не было видно даже утренней зари. Издалека доносились ворчливые раскаты грома, а подбрюшье низко нависших над землей облаков то и дело озаряли зарницы.
Клыч ждал, когда начнется дождь. Он сидел рядом с женой и завтракал. Было ему уже за пятьдесят, но несмотря на седину он не любил, когда к нему обращались соответственно возрасту — Клыч-ага. Он не ощущал своих лет. Вот и шум дождя, напоминавший ему жаркий шепот молодки, он любил, словно мальчишка. Сердце млело, когда слышал его.
Но вместо шума дождя, послышался стук в ворота.
Клыч сидел, точно не слышал. Лишь когда ударили снова, он отставил пиалу, встал и отправился во двор.
Шемшат взглядом проводила мужа до двери и мысленно пожелала, чтобы ранний гость пришел с доброй вестью. Но время тянулось, Клыч не возвращался, и сердце Шемшат наполнилось тревогой. Она выглянула в окно. Клыч разговаривал с председателем колхоза. Подошла к двери, прислушалась. О чем говорят, было не разобрать. Ничего ей не оставалось, кроме как ждать, когда муж сам расскажет ей, зачем это ни свет, ни заря явился башлык. Однако и эта ее надежда не оправдалась. Клыч вернулся, ни слова не говоря оделся и ушел.

Люди, что ждали Клыча, расступились, пропуская следопыта вперед. Он подошел к разбитому окну, осмотрел его, потом

опустился на колени и стал разглядывать следы, что четко отпечатались на влажном песке. Все внимательно следили за ним, но ничего нельзя было прочесть на смуглом, скуластом лице, разве что чуть побледнел пересекавший щеку шрам — след волчьего когтя.

На самом деле Клыч с первого взгляда узнал, кто был здесь ночью. И больше всего возмутило его, что негодяй ничуть не таился. В том, что тот так наследил под разбитым окном, Клычу чудился оскорбительный вызов ему, следопыту. Боясь как бы ударившая в голову кровь не затмила ему истину, он еще раз внимательно разглядел следы. Нет, никакой ошибки: тот же, что и в прошлом году, скошенный набок отпечаток каблука. Чтобы скрыть свои чувства, Клыч до боли стиснул зубы, заиграл желваками. Но потом возмущение все же захлестнуло его. Он выматюкался, растолкал окружавших его людей и, не обращая внимания на их оклики, пошагал прочь.

Он шел не разбирая дороги, прямо по лужам, и дико озирался по сторонам, словно искал, на ком сорвать зло. «Не человека ты вырастил, а скотину…», — беззвучно шептали его побледневшие от ярости губы.

Так пришел он в дом своего старшего брата и, раззуваясь на пороге, внимательно оглядел обувь, расставленную на старой клеенке. Полуботинки, след которых он только что видел у клуба, стояли среди прочей обуви тщательно вычищенные, словно в них неделю не выходили из дому. Он взял правый ботинок, внимательно осмотрел каблук. Нет, этот скошеный каблук ни с чем не спутаешь! Кровь ударила ему в голову, рывком распахнул он дверь и тотчас взгляд его уперся в сияющую рожу Умыта1, который, лежа на подмятой под бок подушке, чаевничал рядом с отцом.

Увидев свои ботинки, Умыт побледнел, настроение его сразу испортилось, он суетливо вскочил и с протянутыми вперед руками бросился встречать гостя.

— О-о, дядя Клыч! Салам аллейкум, дядя Клыч! Проходите, садитесь рядом с папой. Я сейчас принесу чай. Мама, что дяде Клычу постелить? Где волчья шкура, что дядя Клыч нам подарил? Сейчас, дядя Клыч, принесу.

Клыч тяжелыми шагами приблизился к что-то еще тараторящему племянику, схватил его за шиворот.
— Ты, свинья… свинья, понимаешь!.. — Он как следует тряхнул Умыта, должно быть чтобы его слова лучше дошли до побледневшего от страха подростка. — Чего тебе, свинья, не хватает? От жиру бесишься.
— Дядя Клыч, да что случилось?
— Сам знаешь! Обманщиком меня, свинья, сделать хочешь?
— Материнским молоком клянусь!..
— Не поминай больше материнского молока, свинья ты этакая, а то я разом из тебя дух вышибу! — и он снова тряхнул Умыта так, что у того голова дернулась из стороны в сторону, словно у матерчатой куклы.
— Ты что делаешь? Убивают! — заголосила Гюлле-эдже и с неожиданным для этой полной женщины проворством с кулаками бросилась на деверя. — Отпусти моего сына. Не смей его бить! Сначали своих детей роди, а потом руки распускай!
Эти слова так ударили Клыча, что он даже согнулся, будто ему кулаком влупили под дых. В глазах потемнело, сердце забилось часто-часто. Он хотел ответить невестке, но гнев настолько овладел им, что он даже говорить не мог.
Мамет, который до этого молча наблюдал за про¬исходящим, вскочил и бросился на подмогу брату.
— Ты что такое, Гюлле, несешь?! Ты как себя ведешь, а, я тебя спрашиваю? Уши твои не слышат, что язык мелет. А ну, ступай отсюда!
— Разве можно ребенка так?
— Значит заслужил этот негодяй.
— Что он заслужил?
— Ступай отсюда, ступай! Сколько раз тебе повторять?!
Гюлле-эдже отступила. Она ушла, все еще что-то бормоча себе под нос, и увела с собой Умыта.
Братья остались вдвоем. Мамет-ага не знал, как нарушить тягостное молчание. Он стоял напротив брата и, полу¬прикрыв веки, наблюдал за ним. Смуглое лицо Клыча еще больше потемнело, губы его дрожали. Никогда прежде Мамет-ага не видел брата таким разгневанным. Нетрудно было догадаться, что

виноват в этом Умыт. Но что он на этот раз натворил?.. Мамет-ага начал издалека, зная, что одно неосторожное слово может завести Клыча еще больше.

— Эх, братишка, ты все такой же горячий! — Мамет-ага усадил Клыча рядом с собой. Ополоснул пиалу, нацедил в нее чай. — Тебе ведь уже за пятьдесят. Надо себя беречь. Ты, как спичка, в любой миг вспыхнуть готов. Не по возрасту уже такая горячность. Спокойней надо быть, сдержанней. Ну к чему было так на Умыта набрасываться? Поговорил бы со мной, решили бы, как быть, что делать. А на Гюлли не обижайся. Эти бабы, шайтан бы их побрал, сами не знают, что несут. Я тебе так скажу…

Клыч не дал ему договорить. Быстро встал, отошел к окну, потер ладонью внезапно разболевшийся шрам.

— Ты не со мной своей мудростью делись, а с сыном.

Мамет-ага тяжело вздохнул. Показывая, что у него нет слов, развел руками. Встал, подошел к брату и негромко кашлянул, прочищая горло.

— Ну что же мы с тобой, Клыч, пререкаемся. Что там еще Умыт натворил, а?.. Объясни толком, что случилось.

— Зачем. И дальше в своем благодушии пребывай!..

— Братишка, дорогой ты мой, ну, что ты горячишься?! Успокойся, прошу тебя, возьми себя в руки. Будешь таким желчным, давление себе заработаешь. И так, знаешь, какие в нашем селе люди…

Клыч в сердцах махнул рукой и вышел из комнаты.

Быстрым широким шагом шел он к своему дому, как и прежде, не разбирая дороги, не замечая редких прохожих. Визит к брату не принес ему облегчения, напротив, только разбередил старую рану. Он теперь не думал об Умыте. Черт с ним! Клыч себя бранил. Брат прав: если не научится сдерживаться, люди от него и вовсе шарахаться станут, как от зверя. Перед тем, как войти в дом, он немного постоял у ворот, чтобы остыть. Ему не хотелось огорчать Шемшат.

— Дождик не начался? — крикнула она с кухни, когда он раззувался у порога.

— Нет еще.

— Что-то быстро ты, старый, вернулся? Все дела сделал?

— Сделал, сделал, — ворчливо проговорил он, забыв о только что данном самому себе обещании не выплескивать на жену дурного настроения. Он бросил поверх ковра выделанную волчью шкуру, навзничь расстянулся на ней, заложив сцепленные руки за голову. Глядя на потолок, вспоминал события сегодняшнего утра и прошлогодний случай, когда Умыт, точно побитая собака, смотрел на него молящим взглядом и клялся материнским молоком, что никогда больше не будет воровать. «И опять он материнским молоком клянется! Свинья! Знает, как людей раз¬жалобить. Скотина, ему материнским молоком поклясться все равно, что под ноги себе плюнуть!» — Клыч вполголоса выругался.

— Чайку сначала попьешь или сразу горячее подавать?

Он повернул голову: Шемшат стояла в дверях, держа литровый фарфоровый чайник, расписанный яркими цветами, и пиалу.

— Шемшат, ничего мне не надо, — сказал Клыч, точно извиняясь. Он сел и по привычке коснулся шрама на щеке.

— Как это, не надо? — удивилась Шемшат. — Из дома ушел — даже не позавтракал как следует. Я уже пити вчерашнее разогрела.

— Сейчас мне совсем ничего не хочется. Не поехать ли мне в пески?

— Зачем? Еще шесть дней. Ты если сам не помнишь, у меня спроси, когда на смену заступать. — Она поставила чайник, помолчала, а потом попросила: — Клыч, хоть на этот раз отдохни сколько положено. Погода, смотри, совсем испортилась. — А поскольку Клыч молчал, она прибавила: — Что с тобой, старый?

Клыч нахмурился.

— Да что ты, Шемшат, заладила «старый, старый». Забудь ты это слово проклятое!

Шемшат кивнула. Но смотрела на мужа настойчиво, мол, пока не объяснишь, что случилось, не отстану. Клыч знал, что так и будет.

— Что-то мне нехорошо, Шемшат. Чувствую, в степь поеду — сразу легче мне станет. Ты уж не сочти за труд, собери вещи. Прогуляюсь, развеюсь и вернусь.

Шемшат жалобно посмотрела на него, хотела что-то сказать, но на глаза навернулись слезы, и, чтобы не показать их мужу, она стала торопливо собирать Клыча в дорогу.

Клыч наблюдал за женой и чувствовал себя виноватым. Так и не найдя слов, чтобы ее успокоить, он тихонько вышел из дома и стал готовить мотоцикл. Проверил уровень масла. Набрал из большой бочки, что стояла у ворот, полное ведро бензина, залил в бак до самой горловины.

Шемшат принесла узелок с едой, вещи.

— Ты когда вернешься?.. Или так на смену и останешься?.. Ты уж точно мне скажи, — потребовала она обиженным голосом.

— Постараюсь побыстрей, — сказал Клыч, завел мотоцикл и, обдав Шемшат облаком сладковатого бензинового дыма, укатил со двора. Но еще не успела она вернуться в дом, как он вернулся. Лихо развернулся и остановил мотоцикл рядом с Шемшат.

— Только ты, пожалуйста, не волнуйся. Ничего не случилось, просто захотелось в пески поехать. Вот и все. Бог даст, завтра к вечеру вернусь. А не переживай понапрасну. И не будь одна. Соседок пригласи. Посидите, посудачьте, чайку попейте. Если, когда вернусь, лицо у тебя хмурым будет, — пеняй на себя! — Клыч улыбнулся, но улыбка получилась жалкой. — По телевизору вечером фильм хороший. Ты обязательно посмотри, а потом мне расскажешь.

Шемшат смотрела на мужа и глаза ее наполнялись слезами.

— Ну, что ты, что ты, что еще за дождь?

— Всегда я одна в пустом доме, — Шемшат едва сдерживалась, чтоб не разрыдаться. — Совсем у тебя жалости нет. Две недели в песках, вернешься и опять прочь из дому. То придет за тобой кто-то и исчезнешь на неделю. То дела какие-то. Потом опять смена. А у меня пустота в жизни, вроде я и не замужем…

Клыч растерялся и, как всегда, когда не находил слов, коснулся шрама.

— Не нарочно же я.

— Не знаю. Только устала я от одиночества. Не могу больше.

— Завтра же вернусь.

Шемшат ничего не ответила, отвернулась. Клыч выключил зажигание, откатил мотоцикл под навес, взял вещи.

— Ладно, если тебе так хочется, буду дома дрыхнуть.

Он умылся, вернулся в комнату, уселся на еще хранящую его тепло волчью шкуру. На душе было муторно. Он закрыл глаза и

тотчас представил себе матерого волка с оскаленной пастью, готового к прыжку, к битве. Вот бы с таким сразиться! Клыч знал, что только так, в схватке со зверем, сможет он очистить сердце от зла, обиды, ярости, что накопились в душе нынешним утром.

Шемшат принесла пити. Поставила миску перед мужем, а сама скромно села чуть в сторонке. Она исподлобья наблюдала за Клычем, ждала, когда он начнет есть. Ей нравилось, как он ест. Как держит ложку в толстых, почти не гнущихся пальцах. Как спокойно, не моршясь, отхлебывает горячий, что твой кипяток, суп. В каждом его движении чувствовалась уверенная сила, может, даже грубость. Ей вспомнился слышанный когда-то разговор о том, что такая вот грубость присуща лишь настоящим мужчинам, и Шемшат невольно покраснела.

Может, от того, что у них не было детей, между Шемшат и Клычем сохранилось чувство взаимной заботливости, какое бывает у молодых, но потом обычно растрачивается в семейных буднях. Они старались предугадать желания один другого. Если у одного случались какие-то неприятности, он насколько возможно старался скрыть их. Они берегли друг друга. Иногда Клыч говорил, что все это «кошачьи нежности». Вспомнив об этом Шемшат чуть заметно улыбнулась, своей ложкой придвинула Клычу куски мяса. Ей хотелось, чтоб за едой он отвлекся от своих черных мыслей, а потом разговорился и, если не секрет, рассказал, зачем приходил председатель.

— Сама ешь, что ты все мне подкладываешь.

— Ем, ем, — торопливо заверила его Шемшат. — Что-то ты ешь без настроения. Скажи, что хочешь, я приготовлю.

— Нет, нет, ничего не надо. И это пойдет.

Как ни старался Клыч выкинуть из головы утреннее происшествие, ничего у него не получалось. Мысли то и дело против его воли возвращались к разговору с Маметом, и он знал, что здесь, в селе, от этих дум ему не избавиться. Душа истомилась по простору, лучшим лекарством для него сейчас была бы степь. Но уехать, оставить Шемшат он не мог, не хотел. И так жизнь у нее невеселая. Некому ей дарить свое тепло, свою нежность. И верно неспроста говорят люди, что женщина сотворена Создателем для

того, чтобы заботиться о детях, о муже – без этого жизнь ее теряет смысл.
Они поели. Шемшат пошла относить на кухню грязную посуду, но в дверях остановилась.
– Да!.. Утром Аман приходил.
– Какой еще Аман?
– Чабан. Помнишь, который кричал, что ты его опозорил, мол, не крал он шерсти.
Клыч нахмурился.
– Чего ему надо? Чем недоволен?
– Нет, нет, радость у него. Сын родился на рассвете. Счастливый, улыбается. Говорит: « Я из роддома прямо к вам, чтобы доброй вестью поделиться. Хочу сына Клычем назвать. Пусть вырастет таким человеком, как Клыч-ага». Вот как люди…
– Хватит, Шемшат! Что у тебя за характер. Стоит кому доброе слово сказать, так ты его сразу в тысячу слов превратишь.
– Он что, не прав?!.
– А если так, что, всему миру объявить надо?
Шемшат обиделась, ушла и уже из кухни крикнула:
– А ты думал, я молчала?!.

Настал тот час на исходе ночи, когда тьма делается осязаемо плотной. Воздух был напоен пряными запахами пробудившейся природы, ароматами трав и первых цветов. В такую пору трудно охотиться, потому что приходится больше надеяться на удачу. Однако сегодня удача, как видно, отвернулась от нее. Покинув логово, она проделала уже немалый путь, но до сих пор ей не встретилась добыча.
Волчица была светло-серой масти, с густой мягкой шерстью, худая, с куцым, как у туркменских овчарок, хвостом. Голод терзал все злей, и временами ею овладевало отчаяние. Тогда она переставала доверять своему обонянию, а по памяти бежала туда, где в последний раз ей сопутствовала удача. Пустое брюхо гнало ее вперед и вперед, но ноги уже отказывались бежать. Из последних сил поднялась она на вершину высокого бархана и решила остановиться здесь, чтобы немного передохнуть. Она села, опершись на передние лапы, и принюхалась. Увы! Похоже во

всей округе кроме нее нет больше ни одной живой души. Ей оставалась только ждать. Но ждать было трудно. Временами голод так затмевал ее сознание, что требовалось все усилие воли для того, чтобы удержать себя на месте.

Когда-то в этих краях водились не только тигры, но, как утверждают некоторые, даже грозные львы, однако могучие хищники бесследно исчезли в бескрайних далях прошлого, оставив волков царствовать в Каракумах. Только добыча не всегда достается тем, кому принадлежит власть. Это кажется удивительным, но, как бы там ни было, лисы и шакалы редко когда остаются голодными, по крайней мере, так казалось волчице.

Еще волчице казалось, что удача перестала сопутствовать ей с тех пор, как она осталась одна. Прежде она охотилась вместе с волком. Но некоторое время назад, незадолго до того, как она ощенилась, его тяжело ранили. Раненый волк стал для нее непосильной обузой. Он один съедал больше, чем она вместе с четырьмя волчатами. Вообще-то волчий закон запрещает жить за счет сородичей. Если ты стар, если у тебя не осталось сил, чтобы прокормить себя, волк обязан покинуть свое логово, свое семейство, свою стаю и в одиночестве проститься с жизнью. Однако отец ее волчат оказался малодушным. Волчице пришлось помочь ему уйти из этого мира. С тех пор вот уже почти месяц она охотилась в одиночку, и с каждым разом добыча доставалась ей все труднее.

Голод достиг такой силы, что волчица стала грызть мятлик. Прежде она ела траву лишь после мяса: без этого трудно бежать с набитым брюхом. Теперь же она жрала траву, чтобы обмануть голод, словно какой-нибудь заяц. Это внезапно пришедшее ей в голову странное сравнение с зайцем было настолько неожиданным, что волчица замерла и приню¬халась. Ласковый предрассветный ветерок принес ей долгожданную весть. В один миг она забыла о голоде, ибо голод — плохой советчик, и превратилась в охотника, безошибочного и безжалостного. Она припала к земле и, забыв о времени, бесшумно поползла туда, откуда ветерок принес заячий дух. Вскоре она увидела несколько щипавших клевер зайцев. Подкравшись достаточно близко для броска,

волчица молнией метнулась вперед. Одного зайца она сбила лапой, другого подмяла под себя, обрушившись на него всем телом. И тотчас, забыв обо всем на свете, стала терзать свою добычу. Насытившись она немного отдохнула, а, когда проснулась, снова была сильной и свежей, готовой в обратный путь.

Внезапно какой-то далекий звук насторожил ее. Она вскочила, прислушалась. Нет, это не треск мотоцикла – его тарахтенья с некоторых пор она боялась больше всего на свете. Волчица поднялась на вершину бархана и замерла там, задрав морду к блеклым звездам на небе, уже обретшем предрассветную прозрачность. Ветер переменился, и в нос ей ударил острый овечий запах. В один миг она догадалась, чтобы встревоживший ее звук был звуком колокольчика. Она еще раз прислушалась: звук колокольчика и блеянье овец не приближались – отара шла стороной.

Дальнее овечье меканье вновь растревожило волчицу, сытая умиротворенность прошла, точно не было. Она вспомнила давние уже времена, когда вместе с волком они нападали на отары. Что за прекрасные дни были – сытные и беззаботные! Впрочем, память нас нередко обманывает, особенно когда не хочется вспоминать о плохом…

Той ночью, такой же теплой и душистой, как нынешняя, волчица охотилась в одиночку. Со дня на день она должна была ощениться, и бремя мешало ей промышлять вместе с волком. Презрев риск, она уже в третий раз за неделю пришла к чабанскому кошу и, укрывшись в зарослях саксаула, наблюдала за овцами, людьми и собаками.

Псы были ленивыми и несмелыми. Волчица определила это по их лаю. Он был каким-то неуверенным, осторожным. Из этого волчица сделала вывод, что и чабаны при этой отаре непутевые. Ведь ясно, что хороший, опытный чабан не станет держать трусливых собак. Лень же, как правило, передается псам от хозяев. У волчицы было несколько случаев убедиться в этом.

Овцы почуяли близость волка раньше собак. Они сбились в кучу, жалобно блеяли и умирали от страха. Встревоженные этим собаки деликатно полаяли, но отойти далеко от костра не посмели.

Волчица ждала, когда отара успокоится. Время шло, но запах страха, источаемый овцами, ничуть не слабел. Он манил и дразнил волчицу, и наконец, не в силах больше терпеть, она напала на отару. Она перерезала глотку одной овце, другой. Горячая кровь опьянила ее. Овцы в страхе бежали. Это раззадорило ее еще больше. Наконец она все же образумилась, и, забросив на спину ярку, побежала к холмам. Псы кинулись в погоню. Они стремительно приближались, а прибавить скорости у волчицы не было мочи. Тогда она бросила овцу, и повернувшись встала грудью навстречу собакам, готовая принять бой. Но псы были трусливы. Увидев перед собой разъяренную рычащую волчицу, они остановились как вкопанные. Звонкий лай сменился сначала приглушенным рычанием, а потом они заскулили от бессилия. Волчица не спеша вернулась к овце, захватив ее поудобнее, забросила на спину и продолжила свой путь.

Собаки, словно и в самом деле прогнали врага, с громким лаем вернулись к кошу.

Удалившись на безопасное расстояние, волчица в два приема до отвала насытилась бараниной. Потом она потихоньку пошла к своей норе. Бежать не было ни желания, ни сил. Волчата в ее чреве были уже живы, двигались и беспрестанно толкали ее, причиняя боль. Даже идти было тяжело. Она то и дело останавливалась, чтобы передохнуть. Единственное, чего желала: поскорей добраться до логова, забраться в прохладную глубь и уснуть спокойным, глубоким сном. Еще она думала об овцах. В отаре их во много раз больше, чем волков в самой большой волчьей стае, и каждая овца ничуть не меньше волка — отчего же они так трусливы? Овцы только в ужасе бежали, когда на них напала неловкая, неповоротливая беременная волчица. Немыслимо, чтобы кто-то мог вот так запугать волка! Волчице было жалко овец, которые уродились такими трусливыми.

Медленно поднималось из-за барханов большое красное солнце.

Она уже миновала большую часть пути, когда ее внимание привлек какой-то далекий звук. Она прислушалась: нет, это не лай собак. Незнакомый звук был какой-то неживой, похожий на шум машин. Только что машине делать так далеко в песках? И все же в этом однообразном тарахтении было что-то пугающее,

тревожное. Заметив, что звук сделался громче, отчетливей, ближе, волчица на всякий случай прибавила шагу.
Но избавиться от преследования ей не удалось. Тарахтение, хоть не быстро, но приближалось, и теперь волчица не сомневалась, что кто-то идет по ее следу. Силы быстро покидали ее, но стоило только остановиться, чтобы передохнуть, как звук делался ближе. Потом ветерок принес удушливую бензиновую гарь.

Волчица поднялась на невысокий холм и остановилась, чтобы оглядеться, а заодно перевести дыхание. Нечто черное небыстро двигалось, огибая дальний бархан. Волчица предостерегающе зарычала. Она знала, что в песках нет живого существа, которое бы не отреагировало на волчье рычание. Оно пугает даже собак. Но на этот раз и рычание не помогло. Черное существо не остановилось, даже не замедлило ходу. Волчица легла, прижавшись к песку, чтобы понаблюдать за преследователем. Свет восходящего солнца слепил глаза, но она все-таки разглядела человека, ехавшего верхом на тарахтелке, и стволы охотничьей двустволки у него за плечом.
Ей сделалось страшно. Кубарем она скатилась вниз. Волчица бежала, напрягая последние силы, но даже мысли не было отдохнуть. Страх гнал ее. Она бежала в зарослях кустарника, веря, что сможет уйти, спасти себя и еще неродившихся волчат. Она подбадривала себя мыслью, что, избрав этот путь, получила некоторое преимущество. Еще в молодости она усвоила, что от погони лучше уходить низиной.
Так она бежала, тяжело дыша, напрягая все свои силы, и внезапно до ее сознания дошло, что тарахтение прекратилось. Волчица не сразу поверила этому, еще некоторое время она двигалась с прежней скоростью, пока не убедилась, что ничто больше не нарушает утреннюю тишину. Она выбежала из зарослей на открытое пространство, чтобы оглядеться, и чуть ли не нос к носу столкнулась со своим преследователем. От неожиданности и страха она даже обмаралась. Волчица остановилась, неуклюже ткнувшись мордой в песок. Попыталась сесть, но желание сопротивляться оставило ее, и она безвольно опустила на землю свое обессилившее тело.

Охотник остановил мотоцикл поперек тропы и стоял, облокотившись на него. Он внимательно следил за зверем. От этого спокойного, настойчивого взгляда волчице сделалось жутко. Она поняла, что проиграла. Охотник обхитрил ее, обогнул бархан с другой стороны, пока она пробиралась зарослями.

Волчица смежила веки, уткнулась мордой в лапы. Сопротивляться не было сил. Она лежала, покорившись судьбе, ожидая конца. Потом приоткрыла глаз — человек даже не снял ружья. Он возвышался над нею, словно черная гора, был, как гора, непоколебим и неподвижен. Волчица попятилась, проверяя, как отреагирует человек. Он спокойно следил за ней, потом что-то крикнул. Волчица вскочила и побежала.

Она удирала, неслась, не разбирая дороги, обезумев от страха. Некоторое время спустя за спиной раздалось уже привычное тарахтение мотоцикла. Охотник ехал следом, похоже, даже не стараясь догнать ее. Волчица наконец поняла его замысел. Он заставил ее повернуть, и теперь гнал ее назад, к тому месту, где она напала на отару.

Она бежала, временами переходя на шаг, но охотник не старался догнать ее. Даже когда она без сил свалилась на песок, он терпеливо ждал, давая ей отдохнуть. До чабанского коша надо было перевалить еще через два бархана.

Отдохнув, волчица побежала вновь. Звериная врожденная жажда жить гнала ее вперед, но на самом деле не от охотника она уходила, а от проклятого тарахтения его мотоцикла. Этот звук преследовал ее с неумолимостью рока. Даже когда охотник выключал двигатель, монотонный стук мотора звучал в ее голове, соперничая с тяжелыми ударами крови.

Немного отдохнув, она побежала резвей, потом у нее даже появилась надежда уйти от погони: она ушла в сторону, затем вернулась назад и спряталась в ямке, которую ветер вырыл под поваленным на землю толстым стволом саксаула. Она лежала, вжавшись в песок, прислушиваясь к тарахтению двигателя. Через некоторое время таратение прекратилось. Волчица выглянула из своего укрытие. Охотник выследил ее, остановив свой мотоцикл метрах в десяти, терпеливо ждал. Волчица с трудом поднялась на ноги и побежла.

Солнце поднималось все выше и уже изрядно припекало. Силы были на исходе. Лапы дрожали, в глазах стоял мрак. На бегу она несколько раз отрыгивала мясо. Когда перевалила бархан и спускалась вниз, оступилась и безвольно покатилась, увлекаемая лавиной песка.

Жажда мучала ее и внезапно ей представилось, что она не бежит, а плывет среди бескрайнего сверкающего на солнце водного простора. Она не чувствовала ног, и некоторое время бежала как бы против собственной воли. До коша было уже близко, а там — конец погони и, вообще, конец, это она знала. Задние ноги подкосились, она повалилась на землю. Потом медленно поднялась, с трудом сделала несколько шагов вперед, и опять упала. Теперь у нее не было надежды на избавление. С трудом она доползла до ближнего пригорка и села, дожидаясь своего преследователя. Когда он приблизился, она даже не шелохнулась, так и сидела, подняв передние лапы, показывая всем своим видом, что признает поражение. Она негромко рычала, но теперь ее рычание было не страшным, а жалким.

Человек остановил мотоцикл, выключил двигатель. Некоторое время наблюдал за волчицей, потом легко поднял из седла свое большое тело, соскочил на землю. Снял ружье, но заряжать его и целиться не стал, а прислонил к мотоциклу. Огляделся, подобрал изогнутую саксаулину, толщиной с руку, и пару раз подбросил ее, как бы примериваясь к весу. Потом стал медленно приближаться к волчице. Она покорно ждала, но когда расстояние между ними сократилось до полутора метров, подчиняясь инстинкту, бросилась на охотника. И в тот же миг тяжелый удар сокрушил ее.

Очнувшись, она полежала некоторое время все еще не веря, что жива. Голова раскалывалась от боли. Потом она почувствовала другую боль, исходившую из основания хвоста. Она скосила взгляд и вдруг обнаружила, что боль есть, а хвоста нет. Волчица жалобно заскулила, завыла. Метнулась в одну сторону, в другую, потом медленно потрусила прочь. Она была опозорена! Лучше бы охотник убил ее, чем лишить хвоста! Переживая позор, она несколько дней таилась в укромных местах, стараясь не попадаться никому на глаза.

Сидя в убежище, она пыталась понять, почему охотник пощадил ее. Добрый он или злой? Поначалу ей казалось, что он поступил жестоко, оставив ее жить опозоренной. Но постепенно ко всему привыкаешь. Волчица зализала рану и смирилась со своим новым обликом. В конце концов и собаки живут с обрубком вместо хвоста.

Несколько раз она видела охотника. В первый раз сильно испугалась — воспоминание о преследовании было еще слишком живо, но потом уже не боялась его. Правда, к отарам и близко не подходила. Некоторое время назад она заметила охотника неподалеку от своего логова. Вознамерилась рыть новую нору и даже начала ее. Но потом оставила свою затею. Теперь волчица была одинока, а без помощи волка она не могла осилить такую работу…

Когда подъезжаешь к Саганали со стороны песков, первое, что бросается в глаза, — высокие красивые деревья с густыми тенистыми кронами. Благодаря им Саганали не спутаешь ни с каким другим селением на берегу Джейхуна. Только вот беда, все эти красивые деревья — бесплодные. Кроме тени нет от них никакой пользы. Зато посмотришь — вокруг какой-нибудь неказистой низкорослой яблоньки с кривым стволом и поникшими ветвями вся земля усыпана сочными краснобокими яблоками.

Давно заметил эту закономерность Клыч. Иной раз он с горечью думал, что и сам подобен бесплодному дереву. А жизнь проходит так быстро, что даже страшно становится. Ему трудно было примириться с этим, потому что в душе он ощущал себя еще не старым. Казалось, что не много лет, а всего несколько дней прошло с тех пор, как они с Шемшат полюбили друг друг. Он ясно помнил, как засылали сватов, как тем было отказано, как, не видя иного выхода, он умыкнул Шемшат. Мамет с аксакалами ходил извиняться за «проступок» младшего брата, а потом опять сватались — родители Шемшат затребовали большой калым. Понурый, низко склонив голову, вернулся после сватовства Мамет — эта картина была перед глазами, как живая. Клыч часто вспоминал те дни. Откровенно говоря, кроме них и вспомнить-то было нечего — две недели в степи, две недели в селе.

Тишина окружала его в песках, но и вернувшись в село он обнаруживал почти такую же тишину у себя дома. Ему казалось, что проклятая тишина обволакивает, душит его в четырех стенах. Он соорудил возле ворот скамейку и часто, выйдя из дому, любовался играми соседских ребятишек. Когда с сумерками родители звали детей домой, Клыч огорчался не меньше самих мальчишек. Иногда он приглашал детей в гости — полон дом, и тогда Шемшат расцветала. Они угощали ребятишек, но увы, — этот праздник был коротким, точно летний дождь — прошумел и снова палит солнце. Умом он понимал, что можно усыновить сироту, но сердце его противилось этому. Чтобы отвлечься, он убегал в степь, а там не было для лучшей забавы, чем охота на волка.

Человек, живущий среди природы, сам с течением времени приобретает некоторые ее черты. Там полагал Клыч и без труда обнаруживал в своем характере определенное сходство со степью. Оттого он, наверное, и тосковал в селе. Степь была его родной стихией. Единоборство с волком чем-то напоминало песчаную бурю и потом помнилось долго. За каждого убитого волка правление колхоза специальным решением премировало Клыча одним бараном. Поначалу этого его радовало. Загоняя свою премию в хлев, он говаривал бывало Шемшат:

— Родится сын — пир устроим. Вот тогда эти бараны и понадобятся. Ты их хорошенько корми, чтобы жирные были. Людям нравится, когда на тое еда жирная. Я сколько раз слышал, как люди говорят, мол, вот у того той хороший был — все жирное, а тот — пожадничал, тощего барана зарезал. Когда у нас той будет, мы уж порадуем земляков. Не станешь жадничать, Шемшат?

Щеки Шемшат заливал румянец. Она сама с нетерпением ждала того же, что и Клыч. Но чем сильней было их нетерпение, тем дальше, казалось, отодвигается долго¬жданный миг. Несколько месяцев Шемшат лечилась, даже лежала в больнице. Одно время она стала переборчивой в еде: то одно ей хочется, то другое. Клыч не ленился: что пожелает Шемшат, то он обязательно добудет, хоть из под земли достанет. Только вот беда, аппетит у Шемшат совсем пропал, уж, кажется, так хочется чего-то, но съест кусочек — и все. Она скрывала это от Клыча. А уж как береглась — даже в летний зной ходила в шерстяных носках!

И вот наконец долгожданное счастье и к ним в дом пожаловало. Клыч от радости не находил себе места. Ему казалось, что чумазый малыш, лицом похожий на него самого, уже бегает по двору. Когда спрашивали посторонние, не ожидают ли они с Шемшат прибывления, Клыч только загадочно улыбался. Доверился только самым близким друзьям. Иногда возвращался выпившим: люто ненавидел тех, кто только делал вид будто радуется, лишь бы угодить ему. Однажды поехал в город и вернулся возбужденный, в какой-то особенно приподнятом настроении.

— Смотри, Шемшат, что я привез! — и свалил на ковер перед женой десяток свертков. — Вот, решил, что пора о нашем маленьком побеспокоиться. У нас такого не купишь! — С умилением разглядывал он детские распашенки, чепчики. — А это зимнее. Теплое, на меху. Как говорится, раньше или позже зима все равно наступит, тогда такого и с огнем не отышешь, верно? А это игрушки. Выложим перед ним, пусть играется, пока не надоест.

— Перестань, Клыч. Ты сам, как ребенок, — сказала Шемшат, уже с трудом поднялась и направилась на кухню.

— Ты куда?

— Тесто поставлю, чебуреки сделаю.

— Нет, нет, — запротестовал Клыч. — Ты сиди, тюбетеечку вышивай, я сам все сделаю. Ты же знаешь, тебе сейчас тяжелую работу делать нельзя. Что нужно, скажи, не стесняйся. Даже если я чем занят, все брошу, а твою просьбу выполню. Я все могу: и стирать, и готовить, и корову подоить. Ну, в крайнем случае, сестру на подмогу позову, или невестку.

— Перестань, Клыч!

— Что, я сам тесто не могу замесить? В песках кто, думаешь, нам хлеб печет. Сами все, сами. И — у ребят спроси — кто лучше всех с тестом справляется. Я, между прочим. И фитчи им готовлю, и чебуреки. Ишлекли могу прямо в песке испечь, — Клыч расхвастался, правда, больше для того, чтобы развлечь жену. — Ты когда к родителям уезжала, я ребят позвал. Так мы тут такие пельмени заделали… Одни тесто готовили, другие — фарш, третьи лепили. И очень даже ничего получилось. Ты не поверишь, если я скажу, кто тесто месил. Это вы, женщины, думаете, что мы

только есть мастера. Между прочим, кто любит поесть, тот и повар хороший. Ты только скажи, я такие чебуреки соображу — пальчики оближешь.

Но случилось так, что, как говорится, «и в береженный глаз соринка попала»: ребенок родился недоношенный и через несколько часов скончался. Да, человек думает, что готовится к тою, а его ждут поминки.

Когда Клыч уехал на смену, Шемшат убрала и спрятала подальше игрушки, что он расставил на все видных местах. Вернувшись из песков, Клыч сразу же заметил это, но даже слова ей не сказал. Он переменился. Сторонился приятелей, которым поторопился сказать, что они ждут ребенка. Стал замкнутым, молчаливым. Все больше сидел, погруженный в думу, потирая след волчьего когтя на щеке. Когда Клыч уходил из дому, Шемшат горько плакала.

Снова Шемшат легла в больницу. А потом еще раз. Мамет, когда узнал, что зав. отделением его знакомый, обрадовался. Отвез врачу двух баранов. Сделал это тайком от Клыча, зная, что брат этого не одобрит. «Что делать, Клыч, если жизнь теперь такая, — в мыслях спорил Мамет с братом. — Не все праведники, как ты. Вора разговорами не устыдишь. Ты, братишка, все никак не поймешь, что у тех, кто зло вершит, рука сильная. Глупо надеятся, что все люди станут добренькими и честными. Уж лучше сам живи, как все. Можно подумать, мне нравится взятки давать. Но, что делать…»

Однако и взятка не помогла. Им объявили, что детей у них не будет. Клыч и Шемшат отказывались этому верить. Клыч доставал жене путевки в санатории, Шемшат ездила к табибам и на святые могилы.

Однажды, окончательно потеряв надежду, Шемшат решилась. Она объявила мужу, что им надо серьезно поговорить. Настраивалась на спокойный, неторопливый разговор. Но когда посмотрела на Клыча, нетерпеливо поглаживающего шрам, заглянула в его полные жалости глаза — сердце защемило, все мысли смешались. Шемшат разрыдалась и только твердила:

— Я домой вернусь, Клыч.

Как ни уговаривал ее Клыч — бесполезно. Утром она ушла не простившись.

Проснувшись, Клыч долго лежал в постели, полагая, что Шемшат во дворе, доит корову или кормит кур – да мало ли с утра дел по хозяйству. Потом он вышел из дома, огляделся, но ее нигде не было. Дважды он негромко позвал: «Шемшат, Шемшат». Ответа не последовало. Клыч вспомнил вчерашний разговор и только теперь осознал, что произошло. Он вернулся в комнату. Постель лежала, как была, разобранная, и это окончательно убедило его, что Шемшат ушла. Клыч бессильно опустился на матрац.

Почему-то он представил плачущую невестку, Гюлле, глотая слезы, что-то жалобно говорила ему. «Тебе скоро сорок – потом будет поздно. Может попытаешь счастья, Клыч?» – спросил он сам себя, но знал, что это не его слова, а ее, невестки. В нем все противилось мысли, что он может жить не с Шемшат, а с какой-то другой женщиной. Одна эта мысль причиняла ему боль. В свое время Шемшат ушла к нему против воли родителей. Это с тем, у кого достаток, все готовы породниться. А если ты бедняк, то и спи со своей честностью и порядочностью… Каково же Шемшат теперь вернуться в родительский дом! Как она станет жить там? Да разве мало наказана она тем, что у нее нет детей? Разве этого горя недостаточно?

Он отправился к тестю и вечером вернулся домой вместе с Шемшат.

– Это что ж ты такое придумала? Встала и пошла. А обо мне ты вспомнила? Неужели тебе жалко меня не было? Что ж теперь, тем, у кого детей нет, и на свете не жить?

Шемшат молча слушала его упреки, потом встала и со словами «Ужинать пора» вышла на кухню. Только после этого Клыч немного успокоился.

Клыч старался не думать о том, что у них нет детей. Но вопреки его воле, что ни шаг, сама жизнь напоминает ему об этом. И Шемшат нет-нет, а вдруг не выдержит, разрыдается, начнет причитать: «Кто похоронит меня, несчастную? Кто надо мной «мама» скажет? Некому будет даже на кладбище меня отнести?!». Клыч, как может, утешает жену, но, откровенно говоря, у него самого порой бывает так тяжко на душе, что хоть плачь.

Давным-давно, пожалуй, это было одним из самых ранних его воспоминаний, вместе с соседской девочкой он играл в «жениха и

невесту». В тени дувала был их дом. Считалось, что Клыч пришел уставшим, и «невеста» суетилась вокруг него, а он, лежа в тени, только покрикивал: «Принеси подушку!», «Подай чай!». «Тише, отец, детей разбудишь!» — время от времени говорила девочка. Детей у них было много — завернутые в разноцветные лоскутки щепки лежали рядком у забора. Девочка брала то одну, то другую и, прижимая к груди, принималась укачивать «ребенка»: «Перестань, не плачь. Папа устал. Лежи тихо.» Одни взрослые глядя на них улыбались, другие — бранили, говорили, что «это — не игра». Но они все равно играли в «жениха и невесту», потому что трудно было придумать игру приятней и увлекательней, чем эта. Откуда было взрослым знать, что вся их жизнь — игра.

Они выросли, девочка стала невестой, а потом женой другого. Дом ее полон настоящих детей, а вот ему остались только приятные воспоминания о детских играх. С годами он то ли действительно припоминает, то ли выдумывает все больше подробностей. Заново переживая детство, легче коротать долгие дни в песках. Однако ночи еще длиней. Стоит зайти солнцу, кажется, что время остановилось, и ты остаешься в холодных объятиях собственной тоски. Над тобой небо, усыпанное бесконечно далекими звездами, и сам ты одинок, как холодная звезда.

Порою одна из бесчисленных звезд срывается вниз, летит, вытягивая тонкий длинный хвост, и бесследно сгорает. Посмотришь через миг — ничего, только равнодушное черное небо там, где совсем недавно сверкала звезда. Вот с такой летучей звездой, порою, сравнивает Клыч себя, свою судьбу, и, глядя в небо, засыпает. А утром снова гнать отару, и работа помогает забыть о ночных думах.

Powestler